

УДК 801.73
ББК 81.00

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В МОНОТЕМАТИЧЕСКИХ, ДИТЕМАТИЧЕСКИХ И ПОЛИТЕМАТИЧЕСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРИТЧАХ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.П. Грасс

С позиции глубины текста в герменевтических основаниях истолкования в работе выявлены и рассмотрены аллегорические образы в притчах и предложена классификация притч на основании количества таких образов. Определены непосредственно связанные с интерпретацией притч основные отличительные особенности данного жанра.

Ключевые слова: аллегория, интерпретация, притча, назидание, аллегорические образы, герменевтический анализ.

Изучению притч посвящены многочисленные филологические труды. Анализу данного жанра особое внимание уделял С.С. Аверинцев в своей статье для краткой литературной энциклопедии [1]. Подробно изучала особенности притч Л.Е. Тумина в значимом труде «Притча как школа красноречия» [7]. Тему интерпретации притч затрагивает в книге «Языковая кристаллизация смысла» В.И. Карасик [3]. Фундаментальным филологическим трудом в области изучения религиозных притч является монография Е.В. Бобыревой «Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии» [2].

В названных и во многих других работах подчеркивается, что притчи как ни один другой жанровый образец религиозного дискурса сложны для описания и толкования в силу их двуплановости. При этом необходимо отметить, что скрытый смысл, который адресат должен извлечь, не просто равен эксплицитованному, а многократно превосходит его по своей значимости.

Для определения глубины смысла аллегорических образов в притче, необходимо выделить отличительные особенности данно-

го жанра, которые непосредственно связаны с интерпретацией притч: аллегоризм, назидание, локальная незакрепленность действия, аллегорическая образность персонажей (см. подробнее: [3; 4; 5]).

В притче, как правило, присутствует аллегорическое начало. По традиции аллегорию понимают как тип простого иносказания, то есть запечатление умозрительной идеи в том или ином предметном образе, нуждающемся в комментарии. Однако аллегория – это не просто иносказание, а «сложное сигнификативное средство, цель которого в итоге – выявить сам знаковый процесс» [2, с. 249]. Аллегория основывается не на познавательных ассоциациях, а на специфическом «перевертывании», которое превращает конкретные значения в целостную систему знаков. Все временные уровни как бы помещаются на одной плоскости, поэтому аллегория, в отличие от повествования, которое обычно разворачивается так, чтобы то или иное явление характеризовалось постепенно, отражает накопление значений: *Ешь, сын мой, мед, потому что он приятен, и сот, который сладок для гортани твоей: таково и познание мудрости для души твоей. Если ты нашел ее, то есть будущность, и надежда твоя не потеряна*

(Притчи Соломоновы 24:13–14, с. 282)¹. Через аллегорический образ меда и описание приятного вкусового ощущения адресат подводится к осознанию той благодати, которую несет ему мудрость.

Рассматривая следующую особенность притчи – назидание, считаем нужным отметить, что глубина нравственной и религиозной идеи, выражать и толковать которую призвана притча, обеспечила широкое распространение этого жанра в священной литературе. Анализ различных дидактических жанров (басней, притчей, апологов и т. д.) показывает, что назидание в дидактической литературе может быть прямым и непрямым (скрытым). Прямое назидание мы можем наблюдать, например, в басне. В конце поучительной истории помещается краткий вывод, резюме, из которого читатель, по мысли автора, извлекает определенный урок. Притча организована значительно сложнее: хотя в ее основе и лежит определенная дидактическая идея, но она имплицитна. Предполагается, что назидание следует с почтением выслушивать и демонстрировать свою признательность за нравоучение. В коммуникативной практике ситуация назидания нередко сопровождается подчеркиванием неопытности адресата, содержит в себе явно или неявно выраженные элементы унижения и поэтому может порождать протест в виде отсутствия благодарности, шуточной реакции на поучение или прямого конфликта.

В притче реализуется стремление «абстрагировать до широких житейских сообщений и конкретизировать в символах или аллегориях жизненные явления» [4, с. 4]. Отсюда надвременность притчи и локальная незакрепленность ее действия. В притче события не определены ни хронологически, ни территориально, обычно нет прикрепления к конкретным именам действующих лиц.

Из локальной незакрепленности притчи вытекает следующая особенность – образность главных героев. Действующие лица притчи должны помочь автору выразить основополагающую мысль, поэтому персонажу задается определенное качество, которое доминирует в нем. Каждому герою соответствует аллегорический образ, служащий для выражения определенной темы.

Говоря о притчах, следует отметить, что интерпретативная глубина смысла аллегорических образов в данном жанре неоднородна. Притчи отличаются разной степенью содержания аллегии. Исходя из данного критерия аллегорической сложности, можно выделить три наиболее четко очерченных типа интерпретативной глубины смысла аллегорических образов. Материалом для классификации послужили притчи Иисуса².

Монотематические притчи предполагают единственную интерпретацию и не содержат аллегорических образов. Например, притча о скрытом сокровище и жемчужине: *Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее* (Мф 13:44–46, с. 298). Поскольку эти два кратких сравнения схожи и по структуре, и по содержанию, их можно рассматривать вместе, интерпретируя так: чтобы обрести Царствие Божье нужно пожертвовать всем, что имеешь. Приведем еще один пример – притчу о горчичном зерне: *Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его* (Лк 13:18–19, с. 351). Данная притча может интерпретироваться так: Царство достигнет своего величия, хотя начинается с малого.

Дитематические притчи содержат две взаимосвязанные возможные интерпретации, так как в этих притчах присутствуют два противопоставленных друг другу аллегорических образа. Например, притча о фарисее и мытаре: *Два человека пришли в церковь помолиться: один был фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, развратники или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю в церковь десятую часть всего, что получаю». Мы-*

тарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза к небу; но, ударяя в грудь, говорил: «Боже, милостив будь ко мне, грешнику!» Я вам говорю, – прибавил Иисус, что мытарь, а не фарисей, пошел из церкви прощенный в дом свой, ибо всякий возвышающий себя унижится, а унижающий себя возвысится (Лк 18:9–14, с. 362). Притча предполагает две возможные интерпретации: 1) превозносящий себя будет унижен и 2) унижающий себя будет превознесен. Предлагалось множество применений этой притчи, наиболее важное – вознесение или посрамление человека на Страшном суде. Рассмотрим притчу о безумном богаче: *Одному богатому человеку Господь послал большой урожай. И он, видя этот урожай, глядя на свои хранилища, стал думать: куда же он соберет этот урожай. Ведь хранилища небольшие. И решил – сломаю старые хранилища и построю новые, большие. Соберу большой урожай. Тогда успокоюсь, и скажу своей душе, своему Я, которое он поставил в центре своей жизни, скажу: пей, ешь, душа, веселись. Хватит тебе на многие и многие годы. И, пребывая в спокойствии, довольстве, собирался лечь спать. И тогда голос внутри прозвучал: безумный, в сию ночь Я душу твою возьму. Не тебе она принадлежит. Что для тебя останется от твоего богатства? С чем ты пойдешь в вечность? И Господь заключает эту притчу словами: так бывает со всяким, кто для себя богатеет, а не в Бога богатеет. Кто эго свое поставил в центр своей жизни (Лк 12:18–21, с. 284).* Действия Бога и богача могут быть интерпретированы следующим образом: 1) эгоистичное накопление богатств не совместимо с истинным учением и 2) эта несовместимость обусловлена пониманием того, что земные богатства преходящи и всех нас ожидает окончательный отчет перед Богом. Не нужно сводить этот отчет к моменту смерти или Страшного суда: притча применима и к тому, и к другому. В двух частях притчи последовательно раскрываются эти темы с помощью аллегорических образов центральных персонажей.

Политематические притчи допускают несколько интерпретаций, поскольку содержат более двух аллегорических образов. Например,

одну из самых известных притч – притчу о блудном сыне, – содержание которой, многим знакомо, можно разделить на три эпизода в соответствии с числом основных персонажей: 1) уход и возвращение младшего сына; 2) реакция отца; 3) реакция старшего брата. Деление притчи на эпизоды является наиболее удобным решением проблемы истолкования этой притчи: она содержит три персонажа, три аллегорических образа, соотносящихся с каждым из эпизодов. Данную притчу можно интерпретировать так: 1) подобно блудному сыну, всегда имевшему возможность покаяться и вернуться домой, все грешники могут исповедаться в своих грехах и покаянно обратиться к Богу; 2) подобно отцу, который пошел на все, чтобы примириться с сыном, Бог готов простить людям все грехи, только бы они согласились его принять; 3) подобно старшему брату, который должен был радоваться возвращению младшего, а не возмущаться поведением отца, народ Божий должен радоваться милости Божией, а не возмущаться тем, что Господь распространяет ее на недостойных. Читая эту притчу, мы склонны отождествлять себя лишь с одним из ее персонажей, а потому желательнее читать ее трижды, стараясь осмыслить эти события с разных точек зрения. Любая попытка исключить ту или иную интерпретацию вынуждает нас пройти мимо чего-то очень существенно-го в учении Иисуса.

Рассмотрим еще один пример – политематическую притчу о десяти девах: *Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених,*

и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий (Мф 25:1–13, с. 326). Аллегорические образы сводятся к трем главным персонажам: жених означает Бога, поскольку еще в Ветхом Завете Бог – супруг всего народа, а мудрые и глупые девы – это те, кто готов либо не готов к Судному дню. Главные аллегорические образы можно интерпретировать следующим образом: 1) Бог, подобно жениху, может задержаться с приходом дольше, чем ждут люди; 2) подобно мудрым девам, его последователи должны быть готовыми к такой отсрочке, и ученичество может оказаться труднее, чем думалось; 3) тот, кто не подготовится должным образом к ожиданию, упустит, подобно глупым девам, возможность спасения и не сможет искупить грех.

Таким образом, отличительные особенности жанра притчи: аллегоризм, назидание, локальная незакрепленность действия, аллегорическая образность персонажей – взаимосвязаны с интерпретацией притч и влияют на их восприятие.

Аллегорические образы притч характеризуются разной степенью интерпретативной глубины смысла: монотематические притчи (с одной дидактической идеей) содержат простые уподобления, которые подчеркивают бесконечную ценность Царства Божия и необходимость идти на жертвы, чтобы получить его блага; дитематические притчи (с двумя дидактическими идеями) построены на контрасте двух главных героев и призваны служить примером жизни праведных и грешных

людей; в политематических притчах (с более чем двумя идеями) наблюдаются три персонажа (за одним из них стоит Бог, за двумя другими – праведник и грешник), которые эксплицируют идею о том, что Бог спасает погибающих, принимает грешников, прощает кающихся, велит людям исполнять его волю, что человек должен, оставив свою прежнюю жизнь и покаявшись, обратиться к Богу, проявляя любовь ко всем; грешник же служит для всех предостережением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве источника использовались материалы издания: Новый Завет. Псалтырь. Книга Притчей. – М. : Рос. Библийское о-во, 2009. – 672 с. (на современном русском языке).

² Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Притча / С. С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1964. – С. 20.
2. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии / Е. В. Бобырева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 374 с.
3. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 421 с.
4. Прокофьев, Н. И. Древнерусские притчи и их место в жанровой системе литературы русского средневековья / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. – С. 3–16.
5. Тумина, Л. Е. Притча как школа красноречия / Л. Е. Тумина. – М. : ЛКИ, 2007. – 366 с.

ALLEGORICAL IMAGES IN MONOTHEMATIC, DITHEMATIC AND POLYTHEMATIC RELIGIOUS PARABLES

E.P. Grass

In this work we define and analyze allegorical images and according to it we offer the classification of parables. The main distinguishing peculiarities of this genre connected with the interpretation of parables are defined.

Key words: *allegory, interpretation, parables, moral, allegorical images, the classification of parables.*